

Общественное внимание к спорам было исключительно велико³⁷ и отсюда — широкий социальный характер исихастской проповеди.

Разницу же мировосприятия «гуманиста» и «исихаста» можно уподобить разнице эвклидова и не эвклидова (Лобачевского—Римана) пространства. В мире гуманиста есть перспектива, и бесконечность в нем иллюзорна и бесконечно далека. Для исихаста же бесконечность («божественная энергия») рядом, в нем, и в ней могут пересекаться «параллельные». Во всяком случае, разница этих мировосприятий имеет отношение к разнице в «пространствах» мира восточноевропейской иконописи и того мира, который был уже зачат на западе Европы Петrarкой (другом и учеником Варлаама) и который зримо сформируется под кистями живописцев Ренессанса.

3. Споры продолжались и после гражданской войны, когда во главе государства стал Иоанн VI Кантакузин, а высшие церковные должности заняли монахи-исихасты (1347 г.). Но здесь уже наступил новый, третий этап «эволюции» исихазма — период закрепления достигнутых исихастами рубежей — в философии, в догматике, в церковной жизни (монастырской особенно), в борьбе за умы и в политике, внешней и внутренней.

Героями и антиподами этого времени можно счесть двух друзей: Николая Кавасилу и Димитрия Кидониса. Эти светские молодые люди, родившиеся в Фессалонике и хорошо образованные, едва не стали жертвами противников Кантакузина в период гражданской войны. Затем они оказываются в числе ближайших друзей последнего, оставаясь, судя по всему, индифферентными к богословско-философским разногласиям.³⁸ Но через некоторое время один из них резко склонился к католицизму, стал переводить на греческий Ансельма Кентерберийского и Фому Аквинского и агитировать греков объединиться с латинянами,³⁹ другой — это Николай Кавасила — вступился за «униженных и оскорбленных», за разоренных войной, чиновниками и ростовщиками,⁴⁰ и стал убежденным паламитом; причем неизвестно, принял ли он при этом монашеский постриг.⁴¹ Есть все основания считать, что он стал монахом лишь «по внутреннему человеку». Во всяком случае, в своих литературных произведениях, одно из которых (Περὶ τῆς ἐν Χριστῷ ζωῆς — «О жизни во Христе»⁴²) «стоит в ряду значительных мистических сочинений православного богословия»,⁴³ а другое («Ἐρμηνεῖα τῆς θείας λειτουργίας — «Изъяснение божественной литургии»⁴⁴) относится к лучшим и наиболее вдумчи-

текст см.: 'Α. Παπαδοπούλου - Κεραμέως. 'Ανάλεκτα 'Ιεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, τ. V. 'Εν Πετρούπολει, 1898, стр. 249.

³⁷ Например, уже на первый публичный диспут на тему об исихии в июне 1341 г. в храм св. Софии, пишет Филофей, «сбежался почти весь город» (συντρέχει δ' ἡ πόλις πᾶσα σκεδόν — PG, t. 151, 599).

³⁸ J. Me y e n d o r f f. Introduction, стр. 124.

³⁹ Хронологию его жизни и работ см.: R. J. Lo e n e r t z. Les recueils de lettres de Démétrius Cydonès. Studi e Testi, 131, Citta del Vaticano, 1947, стр. 108—122.

⁴⁰ См.: PG, t. 150, 728—750 («Против ростовщиков» — Κατὰ τοκιστῶν); R. Guilla n d. Le traité inédit «Sur l'usure» de Nicolas Cabasilas. — Etudes Byzantines, Paris, 1959, стр. 81—87; I. Se v č e n k o. The Author's Draft of Nicolas Cabasilas' «Anti-Zealot» Discourse in Parisinus Graecus 1276. — DOP, 14, 1960, стр. 196—201.

⁴¹ См.: I. Se v č e n k o. Nicolas Cabasilas' «Anti-Zealot» discourse: A reinterpretation. — DOP, 11, 1957, стр. 86—87 и прим. 22—27.

⁴² PG, t. 150, 494—727. Русский перевод: Семь слов о жизни во Христе. М., 1874.

⁴³ Παναγιώτης Χρήστου. 'Ο Γρηγόριος Παλαμάς καὶ ἡ θεολογία εἰς τὴν Θεσσαλονίκην κατὰ τὸν δέκατον τέταρτον αἰῶνα. 'Εν Θεσσαλονίκῃ, 1959, стр. 18—19.

⁴⁴ PG, t. 150, 368—492. Русский перевод: Христианское чтение, 1857, ч. 2.